

DOI: 10.15643/libartrus-2016.2.10

Журналистский дискурс в ракурсе прагмалингвистики

© О. И. Таюпова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Email: o.tayupova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению и анализу журналистского дискурса с позиции его прагматических характеристик. С целью выявления особенностей данного типа дискурса в выбранном ракурсе исследования обсуждаются его дефиниции, проводится разграничение понятий журналистского дискурса и медиатекста, а также на материале современного немецкого языка выявляются характерные особенности языкового кода в текстах рассматриваемой дискурсивной принадлежности. Установлено, что по мере развития теории дискурса, в том числе и журналистского, на первый план стал выдвигаться текст, который анализируется в его взаимодействии с прагматическими факторами. Высказывается мнение, что любой письменный текст, опубликованный на страницах периодики и представляющий собой диалектическое единство языковых и медийных признаков, формируемое тремя уровнями медиаречи: словесным текстом, уровнем иконических средств и уровнем графического изображения, входит в журналистский дискурс.

Ключевые слова: медиатекст, тип дискурса, журналистский дискурс, вид текста, прагматика текста, языковой код.

Объектом исследования в настоящей статье является современный журналистский дискурс (ЖД) в аспекте его прагматических параметров, поскольку проблема теории дискурса и коммуникативно-прагматического анализа играет в современных исследованиях текста, в том числе и публицистического, существенную роль. Тем не менее, многие вопросы названной проблематики являются малоисследованными.

Переход к изучению языка с позиции его функционирования, ставший возможным с развитием антропоцентрической научной парадигмы, предопределил интерес языковедов к ЖД как многоаспектному лингвистическому объекту, для интерпретации которого характерна многоплановость и многозначность, принятие во внимание не только собственно языковых, но и экстралингвистических факторов. В частности, выдающийся французский философ М. Фуко понимает под ЖД некую социальную формацию, социально обусловленную систему речи и действий [1].

В настоящее время вопросы исследования ЖД как компонента масс-медийного дискурса, реализуемого, в том числе, посредством интернет-дискурса, дискурса радио и телевидения, входят в компетенцию медиалингвистики, являющейся одним из наиболее молодых направлений языкознания, в рамках которого осуществляется изучение функционирования текстов в сфере современной массовой коммуникации. Подобная специализация лингвистики свидетельствует о современных тенденциях ее развития. ЖД обнаруживает тесную связь также с политическим и рекламным дискурсами, поскольку последние также опираются на средства массовой информации, в рамках которых производится и распространяется общественно значимая информация.

Анализ показал, что термин «дискурс» (франц. *discours*, англ. *discursus* < лат. *discursus* «беседа, разговор; круговорот, движение; бегание взад-вперед»), достаточно широко используемый в современной лингвистической науке, имеет значительное количество трактовок. Основы исследования дискурса были заложены во французской и англо-американской научных школах. Что касается отечественной лингвистики, то в 70-х годах XX в. он использовался в трудах В. В. Виноградова и Г. О. Винокура в значении, близком к термину «функциональный стиль».

В современных дефинициях дискурса исследователи отталкиваются либо от понятия речевой деятельности, либо от понятия текста. Так, например, дискурс определяют как «речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для речевого взаимодействия» [2, с. 34]. Начиная с 90-х г. XX в. под термином «дискурс» стали понимать связный текст, «взятый в событийном аспекте», в единстве с рядом экстралингвистических факторов: прагматических, социокультурных, психологических и др. [3, с. 136–137].

Некоторые авторы предпочитают не вдаваться в терминологическую полисемию понятия и определяют дискурс как «коммуникативное явление, включающее всю совокупность знаний, связанных с процессом текстопорождения» [4, с. 35].

Для исследований, проводимых с позиции антропоцентризма, характерна трактовка понятия дискурса в направлении от речевой деятельности. Поэтому дискурс определяется как «важнейшая составляющая речевого события, процесс речевого поведения, речевой и невербальный обмен, протекающий в речевой ситуации» [5, с. 51]. Н. Ф. Алефиренко, рассматривая дискурс как коммуникативное событие, считает, что данным термином обозначают все то, что вкладывается в понятия речи и функционального стиля и видит специфику дискурса в сплаве языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации [6, с. 368]. При этом в некоторых дефинициях дискурса обращается внимание на его ментальный характер и подчеркивается, что «дискурс – это особое использование языка... для выражения особой ментальности... особой идеологии» [7, с. 38].

Авторы зарубежных концепций дискурса исходят, как правило, из понятия текста, поскольку дискурсивные правила можно сформулировать на основе уже имеющихся текстов, ибо текст является результативной, а дискурс процессуальной сторон речевой деятельности. Так, например, Патрик Серио, относящийся к французской школе Анализа дискурса, считает, что «дискурс представляет собой высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как дискурс» [8, с. 550].

На наш взгляд, заслуживает внимание уравнение «дискурс = текст + контекст», введенное Т. Ван Дейком и получившее развитие в трудах представителей дискурс-анализа. Мы полагаем, что дискурс является более широким понятием, чем текст. В нашем случае любой письменный публицистический текст, опубликованный на страницах периодики и представляющий собой диалектическое единство языковых и медийных признаков, формируемое тремя уровнями медиаречи: словесным текстом, уровнем иконических средств и уровнем графического изображения, входит в ЖД.

В конце 90-годов XX в. лингвисты пришли к выводу, что именно текст является естественной единицей прагматики [9, р. 942–943; 10, р. 43], ибо только в парадигматических оппози-

циях системы языка не могли быть отображены все функции морфологических средств и синтаксических структур, используемых в нем. Осознанию данного факта способствовал коммуникативно-прагматический подход к изучению текста, благодаря которому текст может трактоваться как интенциональное коммуникативное действие. При этом прагматическая специфика текста как компонента дискурса проявляется в его отношении к автору и реципиенту и охватывает не только цель или функцию, интенциональность текста, его уместность, но и предпосылки создания; влияние, оказываемое текстом на членов социума, а также условия его существования с учетом ситуации общения.

Поскольку истоки лингвистической прагматики, формирование и развитие которой приходится на последнюю треть XX и начало XXI века, кроются в различных лингвистических, философских и социальных традициях, однозначной научной дефиниции прагматики как лингвистического направления пока не сложилось. При этом не подлежит сомнению тот факт, что она формировалась под воздействием лингвистической парадигмы, ориентированной на изучение речевой коммуникации [11, с. 30].

Несмотря на то, что прагматическими (прагматика – от гр. «дело») называл свои работы еще древнегреческий историк Полибий, важным импульсом для развития современной лингвистической прагматики можно считать только исследования по семиотике Ч. Пирса и Ч. Морриса, обосновавших науку о знаковых системах как языковых, так и внеязыковых. В частности, американский философ и лингвист Ч. Моррис, характеризуя в своей работе «Знаки, язык и поведение» семиотику как науку о языке, выделил три ее раздела: синтактику (синтаксис), семантику и прагматику. Последняя – прагматика – направлена, по мысли автора, на изучение отношений между знаками и его интерпретаторами.

По мере развития прагматических исследований на первый план стал выдвигаться текст, который стали рассматривать в его взаимодействии с прагматическими факторами. Так, например, в «Энциклопедии постмодернизма» под прагматикой понимают один из аспектов текста как знакового образования, который фиксирует отношение между текстом и субъектами текстовой деятельности [12]. По мнению современных немецких авторов, прагматика исследует, помимо прочего, взаимодействие языковых и неязыковых видов речевой деятельности и то, какие цели преследуют говорящие/пишущие [13, р. 142].

Несомненно, дискурсивная практика играет роль посредника между текстами и социальной практикой, где текст есть продукт процесса порождения и процесса интерпретации, более специфическое и узкое явление, а дискурс можно считать динамическим процессом, одной из составных частей которого является текст.

Что касается многообразия различных типов дискурса, то их значительно больше, чем функциональных стилей, число которых варьируется, как правило, от четырех до шести. Каждый функциональный стиль имеет свою характеристику. При этом следует отличать функциональные стили от стилей речи, поскольку они принадлежат различным уровням научной абстракции [14]. И если в основе выделения и описания функционального стиля лежат коммуникативные факторы, то в основу выделения дискурса могут быть положены любые параметры, имеющие значимость для поведения человека, его жизни в социуме, науки, техники, окружающей среды. Это позволяет выделить, например, гендерный дискурс, афористический дискурс, персональный дискурс, судебный и эмотивный дискурсы, которые напрямую не со-

относятся ни с одним функциональным стилем. С различного рода общественными институтами связаны так называемые институциональные дискурсы, изучение которых является в настоящее время актуальной проблемой в лингвистике.

В число институциональных дискурсов входит и ЖД, одним из компонентов которого, наряду с очерком, заметкой, аналитической статьей, письмами читателей, выступает массмедийное интервью, представляющее собой, в одной стороны, определенный вид публицистического текста, а с другой – метод получения информации. Интервью, исходя из этимологии слова (от англ. *interview* – встреча, беседа), определяют также как «акт коммуникации журналиста с респондентом, т.е. беседа» [15, с. 37]. В основе публицистических интервью, являющихся продуктом не только индивидуального, но и социального опыта, лежит диалог или полилог. Этот вид текста представляет собой разговор журналиста с одним человеком или несколькими людьми по какому-либо общественно значимому поводу или событию, который публикуется, например, в журнале «Der Spiegel» в форме вопросов и ответов. К задачам журналиста, берущего интервью, относится умение не только выявить точку зрения собеседника по обсуждаемому вопросу (вопросам), но и рассказать об интервьюируемом, создать его психологический портрет, охарактеризовать его как языковую личность. В связи с этим несомненный научный интерес представляет исследование в рамках ЖД функций и структуры диалога, анализа стратегий успешных вопросов и ответов, а также языковых средств, используемых при кодировании содержания интервью.

Информация о собеседнике, ср.: Die Schriftstellerin Thea Dorn, 41, über das Buch «Die deutsche Seele» (Knaurs Verlag), das sie gemeinsam mit ihrem Kollegen Richard Wagner verfasst hat und das in dieser Woche erscheint [16] приводится в предтексте после названия интервью, представляющего собой прямую или варьированную цитату из ответов интервьюируемого: Wer sind wir? [16].

Специфический характер интервью, организуемого как диалог, обусловлен тем, что оно является особой формой социального контакта и отличается от других типов беседы особыми прагматическими признаками, например, большим количеством адресатов, степенью публичности, асимметрическим управлением диалогом благодаря журналисту и т.д. В целом коммуникация предстает здесь как особая система межличностного взаимодействия, поскольку беседа коммуникантов направлена на третьих лиц – читателей журнала «Der Spiegel», представляющих собой негетерогенную группу в социуме.

Содержание любого текста, в том числе и интервью, кодируется средствами литературного языка. Своеобразный языковой код текста предопределяется, прежде всего, коммуникативной функцией, выполняемой анализируемыми текстами. Задача реципиента состоит в том, чтобы восстановить информацию, пользуясь своим знанием кодов и кодовых комбинаций того или иного языка [17]. Анализ показал, что помимо этого в каждом интервью представлены индивидуальные речевые особенности собеседников, на выбор которых влияет и тема разговора.

Для привлечения читательского внимания к тексту интервью, повышения его воздействия на реципиентов собеседниками могут использоваться различные языковые средства, в том числе и стилистически окрашенные, например, разговорные частицы: Das ist selbstverständlich, und ich selbst bin ja in diesem Geist aufgewachsen [16]; устойчивые стилистически окрашенные словосочетания: Die Deutschen waren immer dann groß, wenn... [16]; гиперболы: Eine äußerst dynamische Zeit [16]; метафоры: Die deutsche Seele ist widersprüchlich [16]; эпитеты: Wir leben in einem Zustand heiterer Gedankenlosigkeit [16] и др. И то, что один собесед-

ник может выразить нейтральной лексической единицей, другой, как языковая личность, использует стилистически сниженную лексику, например, *Mist* (разг. дрянь, дерьмо): *Wenn etwas Mist ist, dann muss dazu auch "Mist" gesagt werden* [18].

В значительной степени используются эллипсисы, при чем не только в ответах интервьюируемых (Ja. Natürlich. Gar nichts. Nein. Absolut.), но и в репликах журналистов (*Wirklich? Was noch?*). Использование в тексте интервью подобных структурных единиц дает возможность закодировать значительный объем информации при помощи необходимого минимума языковых средств. Это способствует предельной концентрации внимания читателя на самом важном и, как следствие, усиливает прагматическое воздействие текста на читателей как представителей социума.

При этом в современной германистике четко различается прагматика адресанта (Senderpragmatik) и адресата (Empfängerpragmatik), прагматика времени (Zeitpragmatik) и места (Ortspragmatik) создания текста [19, S. 41–73]. В этом плане наибольший интерес представляют письма читателей, как отклики на ту или иную информацию, опубликованную ранее в журнале. Перед текстом письма читателя редакция дает информацию относительно номера журнала и названия статьи, например: *Die verzweifelten Staaten von Amerika – Eine Nation verliert ihren Optimismus* [20]. В таких письмах-откликах используются языковые средства, на основании которых можно составить речевой портрет читателя как представителя определенной социальной группы, уровня воспитания и образования. Можно согласиться с тем, что использование иностилевых элементов оправдано только для выполнения особых прагматических функций воздействия на реципиентов, для создания особой экспрессивности текста [21, с. 162]. Интервьюируемые с более высоким уровнем образования обладают и более разнообразным диапазоном языковых средств, чем менее образованные.

Таким образом, ЖД представляет собой совокупность текстов одной и той же сферы коммуникативной деятельности в соотношении с коммуникативной ситуацией и учетом всех экстралингвистических аспектов порождения данных текстов, в том числе и прагмалингвистических. Мы не отождествляем понятия медиатекста и дискурса, в том числе журналистского. Данная позиция приводит, в свою очередь, к рассмотрению медтатекста как прагматической величины, которая представляет собой сложный социальный речевой акт, который осуществляется с определенными намерениями и целями. В терминах теории речевых актов прагматическую направленность текста можно определить как побуждение адресата к ответной реакции, направленность на перлокутивный, наступающий после иллокуции (речевого акта) эффект.

Именно лингвистическая прагматика создает основу для теоретических исследований текста как компонента соответствующего дискурса и трактует его как интенциональное коммуникативное действие. Интенциональность – это главная, имманентная черта использования языка, которая возникает не благодаря языку, а напротив, сама является основой языковых действий, поскольку все знаки и языковые выражения получают совершенно определенные интенционалы (*intention* – намерение). Выражением интенционального состояния является пропозитивное содержание речевого акта [22, с. 151].

В качестве основной проблемы, стоящей перед прагматикой, в современной зарубежной лингвистике справедливо выдвигается проблема построения текстов различной дискурсивной принадлежности [23, S. 369]. Практика показывает, что члены социума, не обладающие достаточным уровнем знаний в отношении лингвистической и экстралингвистической спе-

цифики соответствующих видов текстов, используемых ими в повседневной жизни, испытывают определенные трудности при их построении. В устранении возникающих в процессе коммуникации проблем, связанных с организацией того или иного вида текста с учетом его дискурсивной принадлежности, и будет состоять задача лингвистической прагматики.

Таким образом, прагматика как лингвистическое направление описывает факты языка с позиции их практического использования в процессе коммуникативной деятельности индивидуумов, изучает целенаправленные коммуникативно-речевые действия в контексте коммуникативных ситуаций, наиболее употребительные виды речевых действий и их применение, лежащее в основе построения конкретных видов текстов.

В лингвистическом плане в рамках того или иного дискурса, в том числе и журналистского, для выражения ментальности язык используется особым образом. Вся процедура, требуемая для порождения дискурса, например, обдумывание, планирование, говорение, а также для его понимания (слушания, восприятия и т.д.) вызывает необходимость использования соответствующих лексических и морфологических средств, терминов и грамматических конструкций.

Литература

1. Фуко М. *Археология знания*. Киев: Ника-Центр, **1996**. 208 с.
2. *Краткий словарь лингвистических терминов* / Под ред. Н. В. Васильевой, В. А. Виноградова, А. М. Шахнарович. М.: Русский язык, **1995**. 176 с.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, **2002**. 709 с.
4. Солодилова И. А. Способы концептуализации оценки в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, **2014**. 44 с.
5. *Педагогическое речеведение. Словарь-справочник*. М.: Флинта, **1998**. 312 с.
6. Алефиренко Н. Ф. *Теория языка. 4-е изд.* М.: Академия, **2010**. 384 с.
7. Степанов Ю. С. *Язык и метод: К современной философии языка*. М.: Языки русской культуры, **1998**. 779 с.
8. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // *Семиотика: Онтология*. М.: Академ. проект, **2001**. С. 549–562.
9. *Linguistisches Wörterbuch (in 3 Bänden)*. 6. Aufl. Heidelberg: Quelle u. Meyer, **1994**. 1288 S.
10. Heusinger S. *Pragmalinguistik: Texterzeugung, Textanalyse; Stilgestaltung und Stilwirkungen in der sprachlichen Kommunikation*. Frankfurt a. M.: Haag und Herchen, **1995**. 162 S.
11. Маслова А. Ю. *Введение в прагмалингвистику. 2-е изд.* М.: Флинта: Наука, **2008**. 152 с.
12. URL: www.niv.ru
13. Perrin D. *Medienlinguistik*. 3. Aufl. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, **2015**. 259 S.
14. Таюпова О. И. Стилевая дифференциация современного литературного языка // *Российский гуманитарный журнал*. **2013**. Т. 2. №1. С. 87–93.
15. *Современный медиатекст* / Отв. ред. Н. А. Кузьмина. М.: Флинта, **2014**. 416 с.
16. Der Spiegel №7.11.13.
17. Таюпова О. И. Языковой код в научно-популярном тексте // *Вестник Башкирского университета*. **2012**. №4. С. 1550–1553.
18. Der Spiegel №2.1.12.
19. Nord Ch. *Textanalyse und Übersetzen. 4. Aufl.* Tübingen: J. Groos, **2009**. 283 S.
20. Der Spiegel №12.7.14.
21. Рацибурская Л. В. Изучение языковой специфики медийных текстов при подготовке филологов и журналистов // *Российский гуманитарный журнал*. **2015**. Т. 4. №2. С. 160–164.
22. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в заруб. лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов*. М.: Прогресс, **1986**. С. 170–194.
23. Antos G. *Studien zu Sprach- und Kommunikationsproblemen im Alltag. Am Beispiel von Sprachratgebern und Kommunikationstrainings*. Tübingen: Niemeyer, **1996**. 395 S.

Поступила в редакцию 10.02.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.2.10

Journalistic discourse from the perspective of pragmalinguistics

© O. I. Tayupova

*Bashkir State University**32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Email: o.tayupova@mail.ru*

The article is devoted to the review and analysis of journalistic discourse from the perspective of its pragmatic characteristics. It has been suggested that any written text published on the pages of periodicals is a dialectical unity of language and media features, formed by three levels of mediaspeech: verbal text, the level of funds and the level of iconic graphic image is a part of a journalistic discourse. This type of discourse is related to the institutional discourse. In order to identify characteristic features of journalistic discourse in the selected angle of study its definition is discussed, the notions of journalistic discourse and media text are divided, and on a material of modern German language the characteristics of the language code in the texts of journalistic discourse are identified. It is found that with the development of the theory of discourse, including journalistic discourse, the text is moving to the center of linguistic studies and it is analyzed in its interaction with the pragmatic factors. That linguistic pragmatics provides the basis for theoretical studies of the text as an appropriate discourse component and treats it as intentional communicative action, which is realized by means of appropriate lexical and morphological tools, terminology and grammar structures. The peculiar language of the text code is predetermined, first of all, communicative-pragmatic function performed by the analyzed text.

Keywords: *media texts, journalistic discourse, type of discourse, view text, pragmatics of text, language code.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Tayupova O. I. Journalistic discourse from the perspective of pragmalinguistics // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 2. Pp. 212–219.

References

1. Foucault M. *Arkheologiya znaniya [The archaeology of knowledge]*. Kiev: Nika-Tsentr, 1996.
2. *Kratkii slovar' lingvisticheskikh terminov [Concise dictionary of linguistic terms]*. Ed. N. V. Vasil'evoi, V. A. Vinogradova, A. M. Shakhnarovich. Moscow: Russkii yazyk, 1995.
3. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Ed. V. N. Yartseva. 2 ed. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2002.
4. Solodilova I. A. *Sposoby kontseptualizatsii otsenki v nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2014.*
5. *Pedagogicheskoe rechevedenie. Slovar'-spravochnik [Pedagogical studies of speech. Reference dictionary]*. Moscow: Flinta, 1998.
6. Alefirenko N. F. *Teoriya yazyka [The theory of language]*. 4 ed. Moscow: Akademiya, 2010.
7. Stepanov Yu. S. *Yazyk i metod: K sovremennoi filosofii yazyka [Language and method: To the modern philosophy of language]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998.
8. Serio P. *Semiotika: Ontologiya*. Moscow: Akadem. proekt, 2001. Pp. 549–562.
9. *Linguistisches Wörterbuch (in 3 Bänden)*. 6. Aufl. Heidelberg: Quelle u. Meyer, 1994.
10. Heusinger S. *Pragmalinguistik: Texterzeugung, Textanalyse, Stilgestaltung und Stilwirkungen in der sprachlichen Kommunikation*. Frankfurt a. Moscow: Haag und Herchen, 1995.
11. Maslova A. Yu. *Vvedenie v pragmalingvistiku [Introduction to pragmalinguistics]*. 2 ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2008.

12. URL: www.niv.ru
13. Perrin D. *Medienlinguistik. 3. Aufl.* Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, **2015**.
14. Tayupova O. I. *Liberal Arts in Russia*. **2013**. Vol. 2. No. 1. Pp. 87–93.
15. *Sovremennyi mediatekst [Contemporary mediatext]*. Ed. N. A. Kuz'mina. Moscow: Flinta, **2014**.
16. Der Spiegel No. 7.11.13.
17. Tayupova O. I. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. **2012**. No. 4. Pp. 1550–1553.
18. Der Spiegel No. 2.1.12.
19. Nord Ch. *Textanalyse und Übersetzen. 4. Aufl.* Tübingen: J. Groos, **2009**.
20. Der Spiegel No. 12.7.14.
21. Ratsiburskaya L. V. *Liberal Arts in Russia*. **2015**. Vol. 4. No. 2. Pp. 160–164.
22. Serl' Dzh. R. *Novoe v zarub. lingvistike. No. 17. Teoriya rechevykh aktov*. Moscow: Progress, **1986**. Pp. 170–194.
23. Antos G. *Studien zu Sprach- und Kommunikationsproblemen im Alltag. Am Beispiel von Sprachratgebern und Kommunikationstrainings*. Tübingen: Niemeyer, **1996**.

Received 10.02.2016.